

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

К. А. Жуков

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. КНЯЖЕСТВО АЙДЫН

Период феодальной раздробленности в Малой Азии в XIII—XIV вв. относится к числу вопросов, сравнительно мало исследованных отечественным востоковедением. Между тем изучение истории бейликов, т. е. государственных образований, возникших в результате эволюции уджей Сельджукского султаната и крушения государства Сельджукидов Малой Азии после монгольского нашествия, имеет принципиальное значение для правильного понимания процесса формирования Османского государства. Разработка этой темы помогает глубже понять особенности формирования государственных и правовых институтов Османской империи, ее социально-экономической структуры, полнее проследить процесс сложения турецкой народности.

В настоящей статье делается попытка показать некоторые черты становления государственности в одном из крупнейших бейликов Западной Анатолии — бейлике Айдын на фоне его более чем вековой истории.

Военно-феодальный институт уджей, существовавший в Сельджукском султанате, представлял собой «систему рекрутируемых из родо-племенного ополчения специальных отрядов для охраны границ государства, члены которых получали в обмен за службу землю и создавали поселения в приграничной полосе»¹. Туркмены в уджах, сконцентрированные вдоль границ Византии, вели почти независимое существование. Акад. В. Гордлевский писал: «На окраинах, в горах, авторитет центральной власти был ничтожен, там огузы чувствовали себя независимо... Там были пустые земли, на которых спокойно паслись их стада; здесь власть начальников племен — беев — была сильна»².

Во второй половине XIII в. неоднократно восстававшие туркменские племена под давлением монгольских войск начинают проникать на территорию Византии. Византийский историк Никифор Григора писал: «Турки, наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами (монголами.— К. Ж.), в свою очередь, преследовали римлян (византийцев.— К. Ж.) и чем слабее

становились сравнительно со скифами, тем мужественнее делались перед римлянами»³.

Быстрота экспансии туркменских племен на запад определялась многими факторами, среди которых в первую очередь можно назвать прогрессирующий упадок военной и экономической мощи Византийской империи и наличие значительного тюркского элемента среди византийского населения Малой Азии.

Григора писал: «Когда восточные области римского (византийского.— К. Ж.) государства остались без войска, то турецкие сатрапы соединенными силами прошли все пространство до самого моря и завели свои поселения по самым его берегам»⁴.

На завоеванных византийских землях удж-беи начинают создавать самостоятельные княжества, одним из которых явился Айдынский бейлик.

Княжество Айдын, подобно другим государственным образованиям Западной Анатолии этого периода, было создано на племенной основе как объединение в основном тюркских кочевых и полукочевых племен вокруг правящего рода, во главе которого стоял основатель будущей династии Мехмед бин Айдын (в то время являвшийся вассалом гермянского бея) в первой декаде XIV в. В 1312 г. бей Айдына перестает быть вассалом бея Гермияна, однако зависимость княжества от государства ильханов, которая выражалась в ежегодной уплате дани и посылке воинских отрядов, сохранялась до 1335 г.⁵.

При Мехмед-бее происходит территориальное оформление бейлика, максимальная площадь которого, по подсчетам турецкого историка Т. Озтуна, достигала 20 тыс. кв. км⁶. По свидетельству арабского географа XIV в. ал-Омари, в 1332 г. на территории княжества насчитывалось 60 городов и 300 крепостей, в которых было размещены 70 тыс. воинов, а население бейлика составляло около 700 тыс. человек⁷. Несмотря на приблизительный характер этих данных, можно сделать вывод о большой плотности населения и высоком уровне развития городской жизни в Айдынском бейлике. Крупнейшими городами княжества были Измир (Смирна), Айасулук (Эфес) и Бирги (Пиргион), являвшийся резиденцией самого эмира Айдына.

Энгельс писал: «При каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил»⁸. Последствия турецкого завоевания видел в 1333 г. Ибн Батута, который отмечал, что Измир лежит большей частью в развалинах⁹. Завоевателям необходимо было организовать управление захваченной территорией, наладить хозяйственную жизнь, и поэтому «органы родового строя должны были превратиться в органы государства»¹⁰. Бей, представители племенной феодализирующейся верхушки, начинают проводить политику консолидации власти и нормализации жизни в княжестве, опираясь на военный авторитет, которым они обладали

в качестве лидеров племен, и пользуясь услугами представителей духовенства и бюрократического аппарата, прибывающих из исламских стран. В княжестве возникают институты политической и религиозной власти, воспроизводящие соответствующие образцы мусульманского мира.

Уже в 1312 г. Мехмед-бей воздвигает в Бирги мечеть Улу джами. В 1333 г. Ибн Батута посетил медресе при этой мечети, где встретился с известным теологом Мухиддином. Арабский путешественник пишет, что тот принял его в окружении рабов, слуг и большого количества учеников¹¹.

Великий везир при дворах беев всегда был из духовных лиц — кади, приглашенных из городов Внутренней Анатолии¹². До нас дошли вакуфные дефтеры Османского государства первой половины XVI в. по Айдынскому санджаку, отрывки из которых опубликованы турецким историком Х. Акыном¹³. Сведения, приведенные в них, дают возможность использования их для ретроспективной оценки земельных отношений в бейлике, так как после завоевания османские султаны в некоторых случаях сохраняли в неприкосновенности сложившиеся отношения и это специально оговаривалось в документах на владение или управление землями. Из этих дефтеров видно, что при Умуре, сыне Мехмед-бея, экономическое положение духовенства в княжестве было весьма прочным. Вот отрывок из одного такого документа: «Деревня Енидже в окрестностях города Бирги была обращена в вакуф Гази Умур-пашой. Со времен неверных и до сегодняшнего дня каждый, кто является кади (в городе.— К. Ж.), осуществляет управление им»¹⁴. В следующих записях читаем, что шейх Мухиддин управлял на правах потомственного вакуфа ореховыми рощами на поле Будай-Хатун в Боздаге, а деревня Могрюгюми в окрестностях Бирги была обращена в вакуф в пользу хафизов дочерью Умур-бея Азизе Мелекхатун, и в ней был построен дом для чтения Корана¹⁵.

Советскими туркологами уже была поддержана мысль турецкого ученого профессора О. Баркана о том, что раздача султанами земель в полную собственность (мюльк) и образование на основе мюльков обширной системы вакуфного землевладения являлись одним из важнейших средств освоения и колонизации захваченных территорий, восстановления опустошенных в процессе завоевания сельскохозяйственных районов и организации хозяйственной жизни¹⁶. Вакуфное землевладение большое развитие получает при Умур-бее и бурно расширяется при его преемниках¹⁷.

Большую помощь беям в укреплении власти на завоеванной территории оказывали дервиши, которые в конце XIII в. буквально наводнили Западную Анатолию.

Эмиры в бейликах благосклонно принимали дервишей как важнейший колонизирующий элемент, даровали им землю, налоговый иммунитет, часто строили для них текке. Ибн Батута пишет, что Умур-бей по возвращении из очередного морского похода подарил

шейху Изеддину из ордена рифаи три лошади в сбруе, большие серебряные вазы, наполненные дирхемами, и молодых рабов обоего пола¹⁸. Большим влиянием среди эмиров пользовался орден бекташи, проводивший активную миссионерскую деятельность в бейликах. Средневековый автор времени Селима II Юсуф бин Абдуллатиф писал, что во время походов Умур-бея гази делили между собой добычу шапками бекташи¹⁹. В соседнем, Гермианском бейлике в 1321 г. бей даровал завийе Хаджим Султана, ученика основателя ордена Хаджи Бекташа, земельные владения²⁰.

Начало XIV в. было периодом оживленной пропагандистской деятельности ордена мевлеви, которая особенно интенсивно велась в эгейских бейликах. Руководители ордена стремились избавить завоевавших большой авторитет и силу правителей бейликов от влияния баба²¹ и привлечь их на свою сторону. Так, Мехмед-бей получил от Султана Веледа титул «Вождь борцов за веру». С этой же целью внук Джеляледдина Руми Ариф Челеби предпринял поездку в княжества Гермиян, Ментеше и Айдын и встретился в г. Бирги с Мехмед-беом²².

Несмотря на это, бейлики продолжали оставаться под сильным влиянием туркменских баба и шиитской пропаганды. В это время ислам являлся тонким налетом на старом, племенном шаманизме. Самым ярким пережитком прошлой, шаманской практики являлись человеческие жертвы — обычай, который сохранялся в течение столетий после того, как турки впервые вторглись в византийские владения²³. Население бейликов не очень ревностно выполняло требования ислама. Так, Ибн Батута писал, что в г. Алаие на побережье Средиземного моря женщины ходили с открытыми лицами²⁴, а в Бирги он видел еврейского доктора, перед которым почтительно вставали кади и факих и который сидел на возвышении напротив султана. Ревностный хранитель ислама Ибн Батута открыто выразил свое возмущение по этому поводу²⁵. В. А. Гордлевский следующим образом комментирует подобные сообщения Ибн Батуты: «Наблюдательный глаз араба-путешественника сразу примечал в Малой Азии уклонения от ислама. И это говорит о том, насколько велико было в Малой Азии воздействие местной, христианской среды на завоевателей-турок»²⁶.

Ислам в бейликах, этот «народный шиизм», как выразился проф. Вернер²⁷, имел тенденцию наследовать некоторые взгляды и культовые формы христианства. Бертрандон де ля Брокьер в своих мемуарах писал, что он наблюдал обряды крещения у эмиров Карамана и Рамазана. Мусульманское население бейликов восприняло культы некоторых христианских святых, подбирая к ним мусульманские эквиваленты. Так, св. Георгий превращался в Хызыр Эльяса, св. Николай — в Сары Салтыка и т. п.²⁸.

Говоря о большой степени синкретичности ислама в княжестве, небезынтересно отметить, что некоторые члены айдынской династии были привержены шиитству. Так, формула клятвы брата

Умура Хызыр-бея о верности договору 1348 г. с латинской коалицией является шиитской²⁹, а Иса-бей, преемник Хызыра, был, по мнению Озтуна, также шиитом³⁰.

Академик Гордлевский следующим образом характеризовал ислам Малой Азии рассматриваемого периода: «...мусульманские устои в Малой Азии были слабы, антисуннитская пропаганда, подернутая легким мусульманским налетом, всегда находила живой отклик у населения, у огузов, среди которых давно шныряли баба, и у туземцев, мусульман и христиан. Уже в эпоху Сельджуков в Малой Азии свободно бродили все эти дервиши, батыни, исподволь взрывавшие суннитство, а после падения Сельджукидов — шииты, за спиной которых скрывались всегда антимусульманские движения, загнанные исламом вглубь, подняли в Малой Азии голову»³¹.

Хотя христианское население в Айдынском бейлике активно обращалось в ислам, а многие церкви были превращены в мечети (например, Ибн Батута сообщает, что огромная церковь в Айасулуке после турецкого завоевания была превращена в мечеть)³², в Бирги (Пиргион) и в Айасулук (Эфес) существовали митрополии, которые даже враждовали между собой. Соперничавшие группировки церковников начинают сотрудничать с местными турецкими властями, т. е. прибегают к тому, что было строжайше запрещено центральной церковью под страхом отлучения. В 1343 г. митрополит Эфеса, намеревавшийся присоединить к своей митрополии Пиргион, оклеветал своего соперника митрополита Пиргиона перед Умур-беем в посланном тому письме, в котором называл бейя Айдына своим послушным сыном, а себя его отцом и советовал выдворить митрополита Пиргиона с занимаемого места³³.

Начинает сотрудничать с турками и часть местного греческого чиновничества. Известно, что еще при сельджукском дворе существовало специальное греческое «бюро», в котором были заняты чиновники-ренегаты, известные под греческим термином «нотары». Подобные «бюро» или же по крайней мере греческие писцы были сохранены в бейликах, в том числе и в княжестве Айдын³⁴. Бейя было выгодно наладить отношения с христианским духовенством и чиновничеством, так как это облегчало управление христианским населением бейлика.

На политическую и экономическую жизнь Анатолии с конца XIII и в XIV в. большое влияние оказывало религиозно-цеховое братство ахи. Ибн Батута отмечает чрезвычайную распространенность этого общества на территориях эмиратов Западной Анатолии³⁵. В XIII в. ахи были противниками туркмен в экономическом и социальном отношениях. Так, ахи принимали активное участие в обороне г. Конья от бейя Карамана в 1277 г. и в защите городов Анатолии от нападений гермянского бейя³⁶. Однако в XIV в., когда города в образовавшихся княжествах начинают служить как

административные, религиозные и экономические центры и в них оседает большое количество туркмен, роль ахи меняется: теперь они стали представлять собой важнейший элемент местного управления. Ибн Батута писал: «Там, где нет султана, обязанности губернатора исполняют ахи»³⁷. Признавая верховную власть бея, ахи обладали реальной властью в пределах города и его окрестностей.

Ахи благосклонно относились к дервишам и охотно примыкали к дервишеским орденам. Были среди них и поклонники мевлеви. Например, ахи Пулад приехал из Западной Анатолии в Конью и, посетив тюрьму Джеяляеддина, стал дервишем, намереваясь распространять радение в бейлике Айдын³⁸.

Беи стремились укреплять свои отношения с братством ахи. Так, среди документов, опубликованных Х. Акыном, содержится запись о том, что Умур-беем была выдана грамота на управление вакуфом в местечке Халийя Хаджикей под г. Тире, завией ахи-бабы³⁹. Как известно, ахи-баба, т. е. верховный руководитель цехов, являлся посредником между населением и властью и находился обыкновенно во главе городского управления⁴⁰.

Власть беев, которые пользуются поддержкой мусульманского и христианского духовенства и ахи, значительно укрепляется.

Время правления Умур-бея (1334—1348) явилось периодом наивысшего могущества княжества. Умур-беем был создан сильный флот, пиратские действия которого наносили большой ущерб судоходству в бассейне Средиземного моря. Григора писал: «Турки, выстроив множество кораблей, не только стали нападать на острова, находящиеся на Эгейском море и за Эгейским, но стали также захватывать и грабить купеческие корабли. Они часто пускались в Средиземное море, как будто оно принадлежало им, не встречая ни в ком сопротивления»⁴¹. О масштабах операций Умур-бея на море может дать представление тот факт, что во время похода на побережье Морей (1334—1335) флот бея Айдына насчитывал 276 судов⁴².

Турецкая угроза морским коммуникациям привела к тому, что в 1344 г. против Умур-бея была создана латинская коалиция, в которую вошли папа, Венеция, Кипрское королевство и рыцари-иоанниты о-ва Родос⁴³.

В это время между Византией и Айдынским бейликом существовали тесные союзнические отношения. Крупные византийские феодалы намеревались с помощью Айдынского княжества избежать конкуренции со стороны итальянских торговых республик. Так, с помощью княжеств Айдын и Сарухан были изгнаны из Фокеи генуэзцы⁴⁴. Кроме того, они видели в турках силу, которая была способна помочь им подавить народные движения во время обострения классово-войсковой борьбы в империи. В 1337 г. Умур-бей с двухтысячным войском оказал помощь императору при подавлении восстания в Албании⁴⁵, а во время гражданской войны в Визан-

тии он помог Кантакузину, с которым находился в дружеских отношениях ⁴⁶.

Вмешательство в дела Византии приносило туркам непосредственную материальную выгоду, кроме того, междоусобная борьба, которая велась с их участием, ослабляла военную мощь империи.

Время правления Умур-бея было также периодом экономического расцвета княжества. Судя по османским дефтерам, бей провел упорядоченную опись земель, владельцам земель и мюльков были дарованы бераты. Он сам управлял большим количеством вакуфов в Бирги ⁴⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в экономической жизни бейлика Айдын значительную роль играло рабство. Рабы использовались как в домашнем хозяйстве, так и при обработке земель. Как сообщает митрополит Эфесский Матфей, посетивший Измир в 1340 г., количество рабов в княжестве исчислялось тысячами ⁴⁸. Бей Айдына вели активную работоторговлю. Рабов продавали на крупнейшей ярмарке на о-ве Родос генуэзцам и венецианцам, которые перепродавали их мамлюкам в Египте. Работоторговля была также распространена в пределах самого княжества. Ибн Батута сообщает например, что в Айасулуке он купил рабыню-гречанку за 40 динаров ⁴⁹. Сохранен в бейлике был и институт гулямов. При дворе Мехмед-бея в Бирги Ибн Батута видел двадцать молодых слуг-греков, одетых в шелковые одежды ⁵⁰.

Следует отметить, что, хотя в 1307 г. папа Климент V запретил торговлю с мусульманами, итальянцы не прерывали своих торговых отношений с Малой Азией на длительный срок. Экономические интересы итальянские торговые республики ставили всегда выше политических и религиозных соображений. Поэтому, как только стабилизировалась власть беев, итальянцы стали вести торговые операции в Айдынском бейлике. Бей, в свою очередь, благосклонно относился к расширению торговых связей с Европой, и уже Умур-бей начинает чеканить монеты с латинскими надписями, являвшиеся имитацией неаполитанских «джильиати» ⁵¹.

Основной транспортной артерией княжества была р. Большой Мендерес. Ал-Омари писал: «...омывающая земли бейликов Денизли и Бирги река Мендерес полна снующих вверх и вниз по течению лодок. На ней виднеются готовящиеся к плаванию корабли газа и торговцев» ⁵². В бассейне реки производились шелк, солодовый корень, ковры, выделанные кожи, шафран, кунжут, воск и мед, зерно, а из княжества Гермиян в Айдын привозили квасцы и бязь.

Город Айасулак, в котором правил Хызыр-бей, был одним из торговых центров Леванта. Европейские купцы ввозили сюда сукна, вина, мыло и другие товары. Хызыр-бей установил пошлины на большинство вывозимых товаров в размере 4% от цены. Воск облагался пошлиной в размере 2%. Мыло и вино пошлиной не облагались ⁵³.

Княжество богатело за счет добычи, награбленной в Византии и на морских коммуникациях, а также за счет оживленной торговли. Ибн Батута описывает свое посещение дворца правителя Айдынского бейлика в Бирги. Дворец, по его словам, поражал своим великолепным убранством. Посредине зала для приема гостей находился бассейн, украшенный бронзовыми львами, из пастей которых били струи воды⁵⁴.

Бей Айдына щедро раздавали подарки своим приближенным и проезжающим чужестранцам. Ибн Батута сообщает, что, когда он покидал столицу Айдынского бейлика Бирги, Мехмед-бей подарил ему 100 динаров, 1 тысячу дирхемов, греческого раба и халат⁵⁵. А в то время на 10 дирхемов можно было купить половину бараньей туши, а на 2 дирхема — хлеба на 10 человек на день⁵⁶.

В 1344 г. соединенный флот Венеции, Кипра и Родоса под командованием Мартино Цаккарии нанес поражение Умур-бею и захватил Измир. В 1348 г. при штурме измирской цитадели Умур-бей был убит.

Умур-бей являлся одной из ярчайших личностей среди беев эгейских княжеств. Многие порядки, заведенные им, перешли впоследствии к османам. Не случайно многие годы османы перед морскими сражениями клялись именем Умур-бея⁵⁷. Рейды айдынского эмира на земли Византии, его участие во внутривосточной борьбе в империи прокладывали дорогу османам, которые, используя опыт и методы Умур-бея, начинают осуществлять быструю экспансию в Европе со второй половины XIV в.

После смерти Умур-бея правителем княжества становится Хызыр-бей. В том же, 1348 г. он был вынужден подписать с латинянами договор, в соответствии с которым прекращалась деятельность корсаров Айдына, их суда подлежали уничтожению и, кроме того, бей уступал членам коалиции половину таможенных сборов в портах княжества. В бейлике учреждались консульства союзных государств, в обязанности которых входило наблюдение за исполнением условий договора и охрана прав европейских торговцев, которые подлежали только юрисдикции консулов. Бей Айдына также обязался не вступать в союзы, направленные против государств коалиции. Договор был подписан между Айдынским бейликом, с одной стороны, и Венецианской республикой, Кипрским королевством и родосскими рыцарями — с другой и одобрен папой. В 1351 г. подобные права в княжестве получили генуэзцы⁵⁸.

Эти соглашения отразили начало упадка Айдынского бейлика, экономическое положение которого ухудшилось, так как из-за прекращения пиратства была потеряна возможность обогащения за счет добычи, захваченной в военных походах, а доходы от торговли не смогли компенсировать эту потерю.

Но политически княжество продолжало сохранять свое независимое положение, так как силы латинской коалиции были подорваны чумой, которая разразилась в это время в Европе (так,

на Кипре чума унесла от половины до двух третей его населения в 1348 г.⁵⁹), и очередной войной между Генуей и Венецией, которая закончилась только в 1355 г.

Однако торговля в княжестве все более попадала в руки итальянцев, чьи товарные склады находились в Айасулуке, который при Хызыр-бее становится центром княжества. Вывоз квасцов из Кютахьи, где добыча составляла 12 тыс. кантаров (1 кантар = 57,65 кг) в год, полностью производился итальянскими торговцами также через Айасулук⁶⁰. Итальянский флорин начинает конкурировать с местной валютой. Данные примеры показывают, что в середине XIV в. между итальянцами и Айдынским бейликом существовали довольно оживленные и устойчивые торговые связи, которые не были прерваны с завоеванием османов. Забегая вперед, скажем, что в 1390 г. в Измире султан Баязид I подписал с венецианцами торговые соглашения, по которым итальянцы получали определенные льготы при ведении торговых операций на территории Османского государства. Эти соглашения были развитием соглашений 1348 и 1371 гг., заключенных беем Айдына с итальянцами, однако они не носили в отличие от тех вынужденного характера.

После смерти Хызыр-бея, последовавшей около 1360 г., к власти приходит Иса-бей. В 1371 г. он подписывает с венецианцами соглашения, являвшиеся подтверждением соглашений 1348 г.⁶¹. Во время правления Исы-бея между Айдынским бейликом и Османским султанатом существовали дружественные отношения. Имя Исы-бея упоминается среди имен беев, приславших посланников и дары по случаю свадьбы в г. Брусе Баязида Челеби и дочери гермянского бея Султан-хатун (1381 г.)⁶². В битве на Косовом поле Иса-бей находился на левом фланге османского войска⁶³.

Завоевание Баязидом Молниеносным в 1390 г. анатолийских бейликов отмечает важную стадию в политическом развитии Анатолии и показывает, насколько османы превзошли другие княжества Малой Азии.

Средневековый поэт Ахмеди, описывая эти события в «Искандер-наме», восклицал: «Повелитель завоевал страну вплоть до Анталы!»⁶⁴.

Иса-бей не оказал сопротивления, и ему было оставлено управление частью земель, а сам он был посажен в г. Тире. Но право быть упомянутым в хутбе и чеканить монету уже принадлежало султану⁶⁵. Баязид взял себе в жены дочь Исы-бея Хафисе-хатун, а также дочерей беев Гермияна и Карамана. Подобный шаг Баязида отражает его стремление поставить свою политику в Анатолии на более прочный фундамент, укрепив ее кровными узами с наиболее влиятельными беем⁶⁶.

В административной сфере при Баязиде доминировала система контроля, которая осуществлялась через султанских рабов (гулямов, капы-кулу) и являлась инструментом становления абсолю-

тистской власти султана в провинциях. Руководящий военный и административный аппарат формировался в основном из ич-огланов, и даже большинство тимаров в провинциях было пожаловано султанским рабам, воспитанным системой гулямов⁶⁷. Средневековый хронист Ашик Пашазаде писал, что когда Баязид завоевал Айдынский бейлик, то Аясулук он отдал своему капы-кулу⁶⁸.

После смерти Исы-бея бейлик был включен в состав Османского государства в качестве санджака и управление им передано сыну Баязида Эртогрулу.

Однако последовавшее вскоре нашествие Тимура нарушило политическое единство Анатолии, и с 1402 г. члены династии Айдын получили возможность еще в течение некоторого времени править княжеством.

Сыновья Исы-бея Муса и Умур и другие анатолийские беи, потерявшие свои владения, бежали в ставку Тимура, где развернули активную подстрекательскую деятельность против Баязида, причем наибольшее усердие в этом проявляли беи Гермияна и Айдына⁶⁹. Во время Анкарской битвы воины из бейликов, захваченных Баязидом, увидели своих беев в лагере Тимура и повернули оружие против османов⁷⁰. Византийский историк Дука сообщает, что 500 тяжеловооруженных воинов Айдынского бейлика со знаменем перешли на сторону Тимура, увидев в его войске своих беев⁷¹.

Тимур вернул управление бейликами прежним владельцам и удалился в Самарканд, в то время как между сыновьями Баязида развернулась ожесточенная борьба за власть.

В этот период анатолийские княжества получают возможность в течение некоторого времени существовать самостоятельно.

Муса-бей, которому Тимур передал управление Айдынским бейликом, умер в 1403 г., и власть перешла к его брату Умуру II, но против него выступили представители той же династии Джунейд и Кара Хасан, укрепившиеся соответственно в Измире и Аясулуке. После смерти Умура II в 1405 г. Джунейд стал единолично править княжеством, центром которого становится г. Измир.

В османской истории Джунейд оставил о себе недобрую память. В средневековых хрониках Джунейд Измироглу характеризуется как ловкий и коварный враг османов, человек, стремящийся лишь к собственной выгоде. И действительно, во время междоусобной борьбы за султанский трон он искусно лавировал между претендентами. Используя противоречия между сыновьями Баязида, бею Айдына удавалось сохранить свою власть на значительной территории, которая включала почти все земли прежнего княжества.

Джунейд поддерживал сына Баязида Ису во время борьбы последнего с Мехмедом Челеби. С помощью Джунейда в поддержку Исы была создана коалиция, в которую вошли беи Сарухана, Теке и Ментеше. В окрестностях Измира было собрано вой-

ско, насчитывающее около 20 тыс. человек, но соединенные силы потерпели поражение, и Иса бежал в Караманский бейлик. Джунейд же сумел вымолить прощение у Мехмеда Челеби, и ему были оставлены его владения, но право чеканить монету и быть упомянутым в хутбе принадлежало уже только султану⁷².

В период борьбы между Мехмедом Челеби и Мусой (1410—1413) Джунейд вновь выступил против Мехмеда и был разбит. И, хотя ему и на этот раз было оставлено управление Измиром и некоторыми другими территориями, в 1415 г. Мехмед I захватил Измир и поставил айдынским вали Александра из болгарской династии Шишманов, принявшего ислам и состоявшего на османской службе, а Джунейда направил в Никополь⁷³.

Тем не менее власть османов в бейлике была еще слаба, и в 1416 г. в окрестностях Измира происходит событие, известное под названием «восстание Берклюдже Мустафы», а годом раньше Джунейд, заключив союз с Дюзме Мустафой (Дюзме, или Лжемустафа, выдавал себя за сына Баязида I Мустафу, пропавшего без вести во время Анкарской битвы), бежал из Никополя в Салоники⁷⁴. В 1421 г. после смерти Мехмеда I Византия сделала попытку использовать этих мятежников в своих интересах. Дюзме Мустафа и Джунейд переправились в Малую Азию. Однако Мурад II с целью расколоть враждебное ему движение пообещал Джунейду вернуть прежние владения, и тот, покинув Дюзме Мустафу, направился в Измир⁷⁵.

В 1422 г. Джунейд в сражении под Айасулуком убил сына Умура II Мустафу, который правил в это время в бейлике. Вскоре он развивает активную антиосманскую деятельность, начинает собирать силы и чеканить свою монету с надписью «Джунейд бин Ибрахим»⁷⁶.

В 1424 г. Мурад II предпринял военный поход, во время которого были захвачены бейлики Ментеше, Айдын, Сарухан и Хамид. Бежавший в прибрежную крепость Ипсили Джунейд был осажден силами османов. Морем ему удалось вырваться из окружения и достичь княжества Караман, откуда он вновь прорвался в крепость с деньгами и пятьюстами воинами⁷⁷. Однако позднее его положение осложнилось в связи с тем, что османы получили помощь от генуэзцев Фокеи. Блокированный с моря и с суши, Джунейд сдался и был убит. В 1426 г. был убит сын Джунейд-бея Курд Хасан⁷⁸ и Айдынский бейлик окончательно вошел в состав Османского государства как лива Айдын.

Завершая эту небольшую статью, автор хочет подчеркнуть, что рассматривает ее как первый шаг на пути изучения истории бейликов. Предварительное знакомство с рядом источников и исследований позволяет сделать некоторые, в целом предварительные выводы о том, что сравнительно быстрое развитие государственности у тюркских племен исследуемого региона, которое прошло стадии удж — бейлик — санджак, было следствием того, что под

давлением монголов тюркские племена были вытеснены в прибрежные районы Малой Азии с относительно высоким уровнем развития городской жизни. Последовавшее массовое оседание кочевников на землю привело к тому, что соотношение кочевого населения к оседлому в Западной Анатолии к XVI в. составляло один к пяти⁷⁹.

В эти же районы прибыло большое количество представителей духовенства, бюрократического аппарата и ремесленников из Центральной Анатолии, среди которых большим влиянием пользовались различные духовные ордена и братство ахи. Эти элементы представляли готовый материал для образования структуры мусульманской государственности в Айдынском княжестве, на которую сильный отпечаток наложили тесные военные, политические и экономические контакты бейлика с Европой. Западное влияние отражалось не только в латинских легендах на монетах, которые чеканили беи Айдына. Оживленная торговля с итальянскими республиками объективно способствовала усилению имущественной и социальной дифференциации, развитию товарного производства в бейлике. Временами внешний фактор непосредственно влиял и на процесс развития государственной структуры княжества. Подтверждением этому является договор 1348 г. между Айдынским эмиратом и латинской коалицией, который значительно ограничивал суверенитет княжества.

Составной частью аппарата управления бейликом стала христианская церковь. Это определялось наличием значительного христианского населения в бейлике и спецификой ислама данного периода в княжестве, который отличала большая степень синкретичности, а также сравнительной веротерпимостью беев в отношении местных христиан, продиктованной необходимостью укрепления своей власти.

Включение Айдынского бейлика в состав Османского государства происходило постепенно. Баязид I пытался наряду с укреплением своей власти в бейлике путем использования в системе управления капыкулу и раздачи им тимаров создать своеобразный союз с беями Айдына, оставив им управление частью земель и укрепив свои отношения с ними кровными узами. Последующие султаны придерживались той же политики и привлекали к себе на службу членов Айдынской династии.

Но, как показал дальнейший ход событий, сепаратизм беев Айдына постоянно противостоял централизаторским устремлениям османских султанов. В османских хрониках упоминается участие айдынского бея в смуте, наступившей в 1451 г. после смерти Мурада II. Будущему завоевателю Константинополя султану Мехмеду II пришлось приложить немало усилий, чтобы усмирить непокорных беев. В бывшие эмираты были посланы войска под командованием бейлербея Анатолии Исхака. После подавления смуты постоянным местопребыванием бейлербея Анатолии стал

г. Кютахья, который находился ближе к приморским санджакам, чем прежняя резиденция бейлербеев — Анкара⁸⁰.

¹ Р. А. Гусейнов. Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI—XII вв.—Тюркологический сборник 1974. М., 1978, с. 220.

² В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии.—Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960, с. 73.

³ Византийские историки. Римская история Никифора Григоры, начинающая с взятия Константинополя латинянами. Т. 1. СПб., 1862, с. 132.

⁴ Там же, с. 205.

⁵ Т. У. Öztuna. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. Т. II. İstanbul, 1964, с. 195—196.

⁶ Там же, с. 196.

⁷ Там же, с. 179. См. также: I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Т. I. Ankara, 1961, с. 73.

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20, с. 188.

⁹ [Ibn Batoutah]. Voyages d'Ibn Batoutah. Text arabe, accompagné d'une traduction par С. DeFrémery et В. R. Sanguinetti. Т. II. P., 1854, с. 310 (далее — Ибн Батута).

¹⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, с. 151.

¹¹ Ибн Батута, с. 296.

¹² A History of the Ottoman Empire to 1730. Chapters from the Cambridge History of Islam and the New Cambridge Modern History. Cambridge, 1976, с. 20.

¹³ Н. Акп. Aydınoğulları tarihi hakkında bir araştırma. İstanbul, 1946.

¹⁴ Там же, с. 139.

¹⁵ Там же, с. 136, 138.

¹⁶ А. С. Тверитинова. Некоторые замечания о значении вакуфного землевладения.—Письменные памятники Востока. М., 1971, с. 134.

¹⁷ Н. Акп. Aydınoğulları tarihi..., с. 136, 138—140, 143.

¹⁸ Ибн Батута, с. 311.

¹⁹ Н. Акп. Aydınoğulları tarihi..., с. 49.

²⁰ J. K. Birge. The Bektashi Order of Dervishes. L., 1937, с. 142.

²¹ Баба, или религиозные руководители, были прямыми потомками племенных шаманов. Они представляли собой своеобразный сплав шамана и странствующего мусульманского дервиша типа календера. (См.: S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Los Angeles, 1971, с. 272.)

²² Wittek P. Das Fürstentum Mentesche. İstanbul, 1934, с. 63; В. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphylien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter. Wiesbaden, 1964, с. 73.

²³ S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., с. 273.

²⁴ Ибн Батута, с. 215.

²⁵ Там же, с. 205.

²⁶ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 182.

²⁷ E. Werner. Die Geburt einer Grossmacht: die Osmanen (1300—1481). В., 1966, с. 92.

²⁸ S. Jr. Vryonis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms.—Dumbarton Oaks Papers. Т. 23—24. 1969—1970, с. 289.

²⁹ Н. Акп. Aydınoğulları tarihi..., с. 52.

³⁰ Т. У. Öztuna. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi, с. 197.

³¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 213.

³² Ибн Батута, с. 308.

³³ S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., с. 332.

³⁴ Там же, с. 233.

³⁵ Ибн Батута, с. 273—292.

- ³⁶ С. Саһен. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968, с. 338—339.
- ³⁷ Ибн Батута, с. 289.
- ³⁸ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 138.
- ³⁹ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 145.
- ⁴⁰ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 141.
- ⁴¹ Византийские историки. Римская история Никифора Григоры..., с. 518.
- ⁴² Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 39.
- ⁴³ G. Hill. A History of Cyprus. T. II. Cambridge, 1948, с. 299.
- ⁴⁴ Византийские историки. Римская история Никифора Григоры..., с. 542.
- ⁴⁵ История Византии. Т. III. М., 1967, с. 133.
- ⁴⁶ Подробнее об отношениях Византии и Айдынского княжества и о походах Умур-бея см.: I. Melikoff-Sayar. Le Destan d'Umur pacha, texte, traduction et note. P., 1954: P. Lemerle. L'Emirat d'Aydin. Byzance et l'Occident. P., 1957.
- ⁴⁷ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 49.
- ⁴⁸ S. J. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., с. 345.
- ⁴⁹ Ибн Батута, с. 309.
- ⁵⁰ Там же, с. 303.
- ⁵¹ A History of the Ottoman Empire to 1730..., с. 20.
- ⁵² Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 54.
- ⁵³ W. Heyd. Histoire du Commerce du Levant au Moyen-âge. T. I. Lpz., 1885, с. 542.
- ⁵⁴ Ибн Батута, с. 303.
- ⁵⁵ Там же, с. 307.
- ⁵⁶ Там же, с. 342.
- ⁵⁷ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 49.
- ⁵⁸ W. Heyd. Histoire du Commerce du Levant..., с. 543.
- ⁵⁹ G. Hill. A History of Cyprus..., с. 307.
- ⁶⁰ R. Lopez and J. Raymond. Medieval Trade in the Mediterranean World. N. Y., 1955, с. 353—354.
- ⁶¹ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 54.
- ⁶² [Mehmed Neşri]. Kitab-i Cihannüma. Neşri Tarihi. T. I—II. Ankara, 1949—1957, с. 205 (далее — Мехмед Нешри).
- ⁶³ Там же, с. 290.
- ⁶⁴ В. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphylien.. , с. 103.
- ⁶⁵ Мехмед Нешри, с. 312.
- ⁶⁶ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 92.
- ⁶⁷ A History of the Ottoman Empire to 1730..., с. 28.
- ⁶⁸ Aşık Paşazade tarihi. Teverih-i Al-i Osman. Istanbul, 1332/1914, с. 65 (далее — Ашик Пашазаде).
- ⁶⁹ Мехмед Нешри, с. 342—344.
- ⁷⁰ Там же, с. 350.
- ⁷¹ F. Wittke. Das Fürstentum Mentese, с. 88.
- ⁷² Мехмед Нешри, с. 446—450.
- ⁷³ Н. Акп. Aydınogulları tarihi..., с. 98.
- ⁷⁴ Мехмед Нешри, с. 556.
- ⁷⁵ Ашик Пашазаде, с. 96.
- ⁷⁶ Там же, с. 107; Mufassal Osmanlı tarihi. T. I. Ankara, 1957, с. 282.
- ⁷⁷ I. H. Uzuncarsılı. Osmanlı tarihi. T. 1, с. 72.
- ⁷⁸ Мехмед Нешри, с. 556.
- ⁷⁹ S. J. Vryonis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms, с. 261.
- ⁸⁰ P. Wittke. Das Fürstentum Mentese, с. 105—106.